

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А.

1820. № XXV.

I.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

О В Ъ И З У Ч Е Н І И Д Р Е В Н И Х Ъ.

(Окончаніе.)

Не говоря о другихъ слѣдствіяхъ наше-
ствія, похищеніе власпи нарѣчіемъ (идіо-
момъ), особливо если оно варварское, надъ
языкомъ, — копорый оно, сливаясь съ
нимъ, испребляеть, — уродуетъ геній наро-
да; удерживаетъ, удаляетъ его успѣхи; об-
нажаетъ языкъ отъ родимой его подлин-
ности, отъ характера кореннаго языка,
если онъ имѣетъ его, подобно языку Гре-
ческому; отъ природной гибкости, пріят-
ности, гармоніи, и вмѣсто того вводитъ
въ оной грубость, нескладные обороты:
деспотизмъ завоеванія напечатлѣвается да-
же и на всѣхъ словахъ, неизгнанныхъ, сихъ
несовершенныхъ слѣдахъ древняго ихъ до-
стоинства; орудія разбишы; нѣтъ болѣе

гармоніи; доколѣ гений не оплодородишь хаоса. Греческій языкъ, долго предохраняемый отъ такого бича, не представляетъ ли самъ тому доказательства? И хотя оспашки его сохранились въ нынѣшнемъ Греческомъ, но не можно ли сказать, что онъ весь увлеченъ наводненіемъ варваровъ?

Но устранимъ общія доказательства, копія которыхъ могли благопріятствовать Грекамъ, и предположимъ, что они сами были своими учителями въ Наукахъ и Искусствахъ: со всѣмъ тѣмъ неможно думать, чтобы они вдругъ дошли до совершенства.

Искусство письма долго было неизвѣстно. Когда оно родилось, списки нелегко могли размножаться, ни сохраниться, бывъ утрачены какъ бы новымъ и сильнѣйшимъ поколѣніемъ; завѣса времени отъ насъ скрываетъ ихъ; опыты сего народа исчезли: часть превосходныхъ ихъ твореній дошла до насъ, и, кажется, внезапно одарена была всѣмъ вдохновеніемъ гения.

Цицеронъ ни мало не сомнѣвается, чтобы не было Поэтовъ прежде Гомера; свидѣтельствуютъ сіе пѣсни Феакіанъ и шъ, копія которыхъ были въ употребленіи на описываемыхъ имъ пиршествахъ его героев *).

*) *De claris Oratoribus*, cap. 18.

Горацій говоритъ о происхожденіи Трагедіи у Грековъ, и показываешь степени, которыми она проходила, прежде нежели дошла, по выраженію Депрео, *до своей божественной высоты*. „Эсхиль, говоритъ Горацій, „далъ Трагедіи одежды, достойнѣйшія ея, „очистилъ дѣйствующія лица свои отъ „черни, и научилъ ее говоритъ съ важно- „спію.“ *). Съ того времени какъ колесница Оесписова преобразована въ Театръ, Софокль, Эврипидъ, много еще прибавили къ сему Искусству, и ввели на сцену снраспное (патетическое), извлекающее сладоспныя слезы. И такъ и у Грековъ видно, что умъ человѣческій имѣетъ нужду въ помощи и образцахъ, и не доспигаешь съ первымъ полетомъ до вершины Искусства. Что сказали бы мы о такомъ человѣкѣ, который имѣлъ бы значительный капиталъ, но, рѣшившись никогда не продать его, началъ бы трудную, на долго безплодную торговлю, нѣсколькими копѣйками? Это было бы снятое съ насъ изображеніе, если бы мы спали пренебрегаемъ сокровищами древности. Квинтилианъ! не одинъ свой вѣкъ, и насъ поздравь, что можемъ пользоваться великимъ множествомъ трудовъ и наспа-

*) *De Arte Poët.*, v. 278.

вленій другихъ вѣковъ, кажешся, посвятившихъ намъ свое раченіе, и мы еще самому себѣ и моимъ знаменитымъ современникамъ обязаны данію благодарности. *).

Кажешся, я слышу, что мнѣ упрекаютъ забвеніемъ собственнаго нашего богатства; нѣкоторые, спараясь сократить разысканіе, скажутъ, что новѣйшіе превзошли Древнихъ. Но когда бы и сіе послѣднее положеніе было справедливо вообще, то все бы изъ того не произошло, что изученіе Древнихъ бесполезно. Историческіе памятники знаютъ необходимо; и нынѣ полезно еще, на поприщѣ Искусствъ, совѣшываться съ нѣсколькими образцами. „Кто „заслуживаетъ, говоритъ Квинтилианъ, „быть наиболѣе подражаемымъ, тотъ не „долженъ быть однимъ предметомъ нашего „подражанія. Демосѣенъ, въ краснорѣчіи, да „леко превышаетъ всѣхъ Грековъ; однакожъ „многіе изъ Орапоровъ могутъ соспязаться „съ нимъ удачно... Благоразуміе пред- „писываетъ намъ нигдѣ не пренебрегать „хорошаго и полезнаго. Напечатлѣніе, ос- „таваемое въ умѣ однимъ образцемъ, очень „слабо, въ сравненіи съ великодушіемъ и трудо- „вѣстію искусства. Совершенный прото-

*) Книга X, гл. 2.

„пилъ (первообразъ) не можетъ быть въ другой разъ произведенъ, и пр.“

Если сіи разсужденія справедливы, то они имѣютъ справедливѣе въ отношеніи къ образцамъ столь великаго достоинства, чѣмъ трудно и почти невозможно хорошо назначить ихъ степени, хотя каждый думаетъ, что въ состояніи по сдѣлать; какъ бы, на примѣръ, Корнель, Расинъ, Софокль и Эврипидъ; Демосѣенъ, Цицеронъ и Боскюэнь. Какое уваженіе ни оказывали бы мы къ одному изъ сихъ великихъ мужей, другой имѣетъ еще справедливѣйшія на то права. Если бы мы могли спросить ихъ самихъ, то они не позволили бы намъ безъ вниманія взвѣшивать одного другимъ, и, будучи превыше ревности, вразумили бы насъ о достоинствѣ своихъ соперниковъ; примѣръ въ этомъ явилъ собою Расинъ, когда дѣшамъ своимъ сказалъ сей прекрасный стихъ Корнеля: *En, monté sur le faite il aspire à descendre.* Такой же примѣръ показъ Мольеръ, когда защищалъ свою Комедию *Plaideurs* (Челобитчики) противъ сужденій публики. Никогда Корнель не былъ лучше похваленъ, какъ тогда, когда былъ похваленъ Расиномъ. И какой хвалы не воздавалъ сей послѣдній и Софоклу, когда изустно переводилъ его въ воспоргъ удивле-

нія! Желашельно было бы, чтобы скорописецъ могъ списать для насъ сію прекрасную хвалу. Боссюэшь, кошорый одушевлялся въ сочиненіи чтеніемъ Гомера, безъ сомнѣнія заспавиль бы насъ учись у Демосоена. Какъ ни превосходень геній Мольера, Теренцій имѣеть еще для насъ великія прелести. Не полезно ли сдѣлашь насъ зрителями сраженій сихъ знаменистыхъ и благородныхъ борцевъ, видѣшь ихъ то подражающими одинъ другому, то превосходящими другъ друга шворческимъ полешомъ, опшюдь не опнимаю одинъ у другаго пріобрѣпенной и заслуженной пальмы, хопя бы то было за опкрыпіе поприща ими первыми? Не можемъ ли мы образовашъ свой вкусъ чрезъ сличеніе, и научись опънихъ, какъ геній обогащается въ обращеніи съ Древностію? Поелику не всѣмъ дано шворипъ, то не всѣ умѣють и пользовашъся искусно мыслями другихъ: эшо значить, что дабы удалось подражаніе генію, долженъ дѣлашь оное геній же, кошорый иногда орлинымъ своимъ взоромъ усмаприваешь роспокъ, никѣмъ не замѣченный, оспававшійся безплоднымъ цѣлые ввки, и коему одинъ онъ жизнь даруешь. Спаршанцы наказывали нейкуснаго и схваченнаго на дѣлѣ вора: шакой воръ ешь выписчикъ изъ

чужихъ сочиненій (plagiaire). Если необи-
шаемое поле принадлежишь тому, кто пер-
вый его займетъ : то сдѣлавшій оное пло-
доноснымъ по справедливости приобрѣтаешь
его своимъ трудомъ.

Мольеръ, поставивъ на сцену *Смѣш-
ныхъ жеманокъ* (*Précieuses ridicules*), увидѣлъ,
что открывъ себѣ новое поприще, и ска-
залъ, что онъ удалился отъ Плавша и Те-
ренція, и учился у одной только Приро-
ды. Какъ онъ хорошо сдѣлалъ! Но симъ са-
мымъ, равно какъ и своими сочиненіями,
доказываешь онъ намъ, что не пренебре-
галъ Древнихъ; даже не выпускалъ изъ ви-
ду ихъ слѣдовъ, и иногда, когда рѣшился
быть ученикомъ одной только Природы;
они доставили ему предметы для *Комедій*
Докусливые (*Facheux*) и *Скулой* (*Avare*), ко-
торые безъ сомнѣнія умѣлъ онъ сдѣлать
своими собственными; поному, что сіи
слѣды часто бывающъ слѣдами Природы,
бывшей имъ пупеводительницею. Лафон-
шень, любимецъ ея, принялъ себѣ въ това-
рищество Езопа и Федра.

Нѣкоторые новѣйшіе значительно усо-
вершенствовали Искусство, и поставили
себя выше Древнихъ, бывшихъ имъ образ-
цами. Кто смалъ бы оспаривать славу сію
у Мольера и Лафоншена, тотъ доказалъ

бы симъ или по , что онъ не изъяснъ онь
 приспраспїя, или по , что языкъ сихъ ве-
 ликихъ Писателей несовсѣмъ ему извѣ-
 сненъ. Всѣ согласны въ томъ , что въ со-
 чиненїяхъ Философскихъ , новѣйшіе ввели
 болѣе порядка, точности и глубокомыслія.
 Кто не знаетъ также тѣхъ сочиненїй, и
 въ прозѣ и въ стихахъ , въ коихъ Филосо-
 фїя совокупляется съ богатствомъ вообра-
 женїя и съ прїятностями ума? И, если бы
 я прешель ихъ молчанїемъ , то кто не на-
 именовалъ бы еще здѣсь Ричардсоновъ ,
 Фильдинговъ , сихъ генїевъ-творцовъ , прео-
 бразовавателей рода , слишкомъ давно назна-
 ченнаго для вздору и порчи нравовъ , но
 изъ коего умѣли они сдѣланъ училище
 нравственности?

Однакожь , въ разныхъ вѣсвахъ Слове-
 сности, Древнїе сохраняють замѣтное пре-
 имущество. Не желаю здѣсь назначать имъ
 степени. Италїянцы , Англичане , Порту-
 гальцы и Нѣмцы могутъ превозноситься
 имъ , что имѣють эпическихъ Поэтовъ,
 весьма высоко воспарившихъ ; эпопея , не
 смотря на *Генріаду*, еще призываетъ генїя
 Французовъ. Одинъ Геснеръ, между новѣй-
 шими, есть счастливый соперникъ Теокри-
 ста. Англичане имѣють Историковъ рѣд-
 кихъ достоинствъ ; но кто между ними

упражняеяся въ родѣ историческомъ, шопть не пренебрегаеяъ такими образцами , каковы Саллюстій, Титъ Ливій, Тацитъ, Поливій. Не взирая на достойныя уваженія сочиненія, каковыя мы имѣемъ въ семь родѣ, намъ еще предлежишь трудъ написати Исторію: шеперь, когда можемъ написати ее свободнымъ перомъ, мы также не пренебрежемъ сихъ великихъ образцевъ. Не станемъ лишати себя безмѣрныхъ сокровищъ, почиая себя довольно богатыми.

Я думаю , что нѣтъ уже на свѣтѣ ни одного изъ новыхъ нашихъ Вандаловъ , который бы , какъ безумный деспотъ , хотѣлъ очершати насъ пѣснымъ кругомъ, изъ коего не позволялъ бы намъ выходитьъ, который бы судилъ, что вся эта Словесность намъ бесполезна; что довольно у насъ Поэтовъ , Орапоровъ и Писателей со вкусомъ ; что пора уже въ обученіи юношества ограничиться точными Науками и при томъ необходимо нужными; какъ будто Философскія познанія не могутъ быти въ союзѣ съ Искусствами и Науками словесными , не составляющъ одного семейства , и не производящъ взаимнаго счастливаго другъ на друга вліянія ! Какъ будто , раздѣляя ихъ , не подвергаемъ мы опасности, впасъ въ невѣжество и вар-

варство! Уже ли Краснорѣчіе и Изыщныя Искусства должны бытъ подавлены на республиканской пошвѣ, гдѣ они могутъ произвестъ новыя и здоровыя деревья, обремененныя сполько же сладкими, какъ и спасительными плодами?

Есть признакъ, по коему узнають хорошихъ Писателей Древности, который составляеть духъ ихъ вѣка, и существенную часть понятія объ изыщномъ: это есть простота. Древніе нравы Грековъ и Римлянъ содержали ихъ ближе къ Природѣ, нежели великіе народы временъ новѣйшихъ, чаще представляли имъ зрѣлище оной, и содѣлывали любезнѣйшимъ и священнѣйшимъ для нихъ союзъ, изъ того происходящій. Когда вкралися къ нимъ любочестіе и упонченныя удовольствія, они не могли вовсе лишить ихъ склонности къ симъ первымъ нравамъ, ни испоргнуть изъ очарованій сельской жизни. Если они не сами, подобно Цинциннапу, ходили за плугомъ, то съ удовольствіемъ смотрѣли на сію работу: они за спыдъ почиали не знатъ именъ главныхъ благъ, коими обязаны мы землѣ.

Въ лучшихъ древнихъ Писателяхъ дышитъ и Природа, издавая звуки, коими всѣ души прогаются. Роскошь, которая не можетъ бытъ вовсе изгнана изъ большихъ

Государствъ, въ Изящныхъ Искусствахъ
 есть порокъ, испребляющій дарованія и
 вкусъ. И такъ мы можемъ получить вкусъ
 къ сей прекрасной простотѣ, или предо-
 хранивъ его отъ порчи, любя, подобно
 древнимъ, Природу; слѣдуя за Гомеромъ,
 Феокрипомъ, Эврипидомъ, коего Расинъ сдѣ-
 лалъ своимъ другомъ, въ ихъ поля, подъ ихъ
 пѣни и въ ихъ жилища. Чѣмъ болѣе все
 окружающее насъ спремится къ удаленію
 насъ отъ Природы, тѣмъ обращеніе съ ни-
 ми можешь быть намъ полезнѣе, для при-
 ближенія насъ къ оной. Фенелонъ! не въ бе-
 сѣдѣ ли съ ними, счастливый твоя гений
 научился возродить ихъ подъ новымъ об-
 разомъ? Проза посредствомъ тебя сдѣлалась
 сестрою Поэзіи, и сладостный, шекущій,
 спройный и проспой слогъ твой приво-
 дить насъ на память одного изъ пѣхъ
 древнихъ пѣвцовъ Греціи, кои плѣняли умы
 и обворожали сердца, внушая первые уро-
 ки нравственности!

Безъ сомнѣнія отличные Писатели
 собственнаго своего народа приносятъ
 весьма великую пользу; но можешь быть,
 если ограничиться симъ ученіемъ, то пре-
 восходство сихъ образцовъ, видимыхъ столь
 близко, съ коими желашельно сравняшься на-
 шомъ же языкѣ, въ состояніи привесни въ

Удовольствія! входъ къ нимъ, кажешся, заграждень трудностями и неудобствами. Однако жъ они не удалили многихъ знаменитыхъ геніевъ опъ свяпилища Древности.

Ныпъ ученія, которое не требовало бы прилежанія. Опъ времени до времени возвъщающъ о методахъ, общающихъ сдѣлапъ учеными почти въ минушу. Въ царствѣ Словесности есть также гаеры. Надобно знашь, до какой степени прилично облегчапъ трудности, дабы не сдѣлапъ поверхностными шѣхъ, коихъ труды слишкомъ щадяпъ, и не поспунапъ со своими воспитанниками какъ съ существами, неспособными къ дѣйствію.

Между методами, введенными въ старинныхъ нашихъ Коллегіяхъ, существующими и нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, находяпся полезныя. Я опнюдь не опвергаю заслугъ и достоинства искусныхъ Профессоровъ, коихъ имена по справедливости посвящены уваженію, каковы Пореи, Роллены и достойные ихъ соревновапели: сіи мужи, одаренные великими познаніями и вкусомъ, образовали знаменитыхъ учениковъ, коихъ признапельность принесла хвалу симъ наставникамъ, съ коими они, такъ сказапъ, раздѣлались, пріобщивъ ихъ къ своей славы. Таковыя наставники весьма

способны поправити своимъ ученіемъ то, что въ первыхъ урокахъ, преподаваемыхъ юношесству, кажется, имѣеть не столь хорошее направленіе.

Предлагая на удачу нѣкошорыя размышленія, кои впрочемъ подвергаю суду имѣвшихъ долговременную опытность въ обученіи, я совсѣмъ не тѣхъ мыслей, чтобы уничтожити преподаваніе основаній Грамматики, и точное познаніе знаковь, равномерно необходимое для хорошаго разумѣнія языка и Авторовъ. Мое намѣреніе не то, чтобы питать слишкомъ усилившійся духъ легкомыслія, производящій только поверхностныхъ людей, и излишнимъ презрѣніемъ словъ внушающій презрѣніе къ знанію самихъ вещей.

Знаю, что неможно поступать съ дѣтьми такъ, какъ съ возрастными; но тѣмъ менѣе должно поступать съ ними, какъ бы съ неспособными къ размышленію.

Извѣстно, что въ старинныхъ нашихъ учрежденіяхъ слишкомъ ограничивались сухимъ и техническимъ ученіемъ языковъ. Въспомо того, чтобы руководствоваться дѣшею естественною привлекабельностію удовольствія, скрывающагося въ самомъ наснавленіи, ихъ вели по пернамъ скуки. Послѣ дѣтскихъ игръ преподавали имъ пра-

вила, написанныя варварскимъ слогомъ, которыми обременяли только память ихъ ; задавали слова, копорыя дѣши выучивали , не зная цѣли тому ; полковали Метифизику нарѣчіемъ темнымъ, и сбивчивымъ для нихъ образомъ ; давали задачи , въ коихъ поступали слишкомъ поспѣшно , т. е. чѣшобъ долѣе боролся съ барбаризмами , упражняли дѣшей, коихъ, казалось , принимали за Римскихъ гражданъ , писашъ на Лашинскомъ языкѣ прежде, нежели они научились съ нѣкоторымъ трудомъ соединяшъ слова на собственномъ своемъ языкѣ. Неудивительно, что, въ вѣкѣ болѣе Философскомъ , доспойное порицанія въ приняшыхъ методахъ способствовало къ подрыву сего ученія. Цицеронъ, Виргилій и другіе древніе Писатели, чувствовавшіе себя призванными къ писанію для просвѣщенія и удовольствія своихъ согражданъ и попомства, не знали, что они, у споль многихъ народовъ , нѣкогда будущъ мученіемъ дѣшей.

Люди свѣдушіе обрапили вниманіе на методу благоразумнѣйшую и удобнѣйшую, составленную по размышленіямъ аналитическимъ. Зачѣмъ говорішъ молодымъ воспитанникамъ объ основаніяхъ Грамматики Лашинской или Греческой, не познакомивъ ихъ прежде съ основаніями Грамматики

собственного своего языка, приноровленной къ ихъ понятію; съ основаніями, кои, будучи хорошо представлены, могутъ дать нѣкоторыя легкія понятія о Грамматицѣ всеобщей *)? Сія естественная метода далека отъ той, которая, Лапшинскими выраженіями, вдругъ представляетъ предъ ихъ глаза сущесствительное, прилагательное, глаголь и пр., для совокупнаго ихъ соглашенія. Я могу здѣсь основаться на мнѣніи Квинтилиана: онъ не одобряетъ методы, принятой въ его время, которая совершенно походитъ на нашу старинную, и предлагаемая имъ сходствууетъ съ вышеупомянутою.

Во всѣхъ Наукахъ переходятъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простаго къ сложному, отъ удобнаго къ труднѣйшему. Весьма странно, что въ разсужденіи дѣшей приняли методу совершенно противоположную сей, между тѣмъ, какъ первая для нихъ гораздо нужнѣе. Должно учить вещамъ, говорятъ иногда, желая уничтожить ученіе языковъ. Надобно признаться, что ученіе сіе было слишкомъ похоже на

*) Сему плану слѣдуетъ Г. Карпантъ. Онъ видѣлъ успѣхъ его въ долговременномъ ученіи на практикѣ.

ученіе словъ: но можно лучше, нежели какъ дѣлали, соединить ученіе языковъ съ ученіемъ вещей. Сохраняйше въ дитяни желаніе учитьсѣ; оно въ немъ находится: сподобитъ только питаніе сію склонность, вмѣсто поощренія ея представленіемъ предметовъ, которые не представляють уму его никакой выгоды. Неужели думаютъ, что дитя способно только выучивать слова? Это заблужденіе. Для чего поступать съ нимъ, какъ съ машиною, неспособною къ размышленію, и для чего не упражнять вмѣстѣ и память и разсудокъ его? Память хорошо зашверживается только числныя понятія, кои умъ могъ постигнуть. Удовольствіе и польза увлекають дитя, какъ бы по быстрому показу, къ великому числу предметовъ; оно не довольствуется одними словами; сіе доказываютъ непрерывные вопросы его. Боясь ли потерять время? Напроставъ, его выиграють. Приготовительное ученіе облегчитъ разумѣніе и трудъ; нѣсколько медленнѣе будетъ происходить ученіе языковъ древнихъ; за то успѣхи будутъ быстрѣе, и свѣдѣнія пріобрѣтены будутъ съ меньшимъ трудомъ и съ большею основательностію.

Какъ надобно дать молодому воспитаннику нѣкоторыя Грамматическія понятія

о его языкѣ, не говоря ему прежде ни о какомъ другомъ, то надобно также, чтобы и древней Словесности предшеспивоваль весьма сокращенный курсъ Словесности собственнаго своего народа. Заставляють дѣтей учить басни и другіе ошрывки Поэзіи; но поступають въ семь не съ довольнымъ выборомъ и вниманіемъ, и часпо обременяють оными только память ихъ. Можно бы было дасть имъ нѣкошорыя главные понятія о разныхъ вѣшвахъ Словесности, примѣрами, взятыми изъ Словесности ихъ опечества, коего языкъ имъ знакомѣ. Когда дають имъ въ руки Корнелія Непома, они не имѣють еще никакого понятія объ Исторіи: посему чпеніе его есть совершенно механическое, и не удивительно, что мало имѣешь для нихъ привлекательности.

Квинтилианъ хочеть, чтобы игры, сполько же какъ и польза, сопровождали сіи ученія, и совѣщаетъ начать съ чпенія Стихотворцевъ: привлекательность ихъ можешь испребишь сухость ученія языковъ. Какъ пѣсни заставляють переносить самые тяжкіе военные подвиги, такъ и Поэзія можешь удалишь ошъ ученика чувствованіе прудности. Сей ходъ, кажешся, прошивень шому правилу, чтобы ошъ про-

сшаго переходить къ сложному; но Поэзія нравится воображенію, сей способности, кошорая первая пробуждается. Ея выраженія, какъ кращайшія выраженій прозы, легче понимать; она прилична всѣмъ возрастамъ, и вообще карпины ея приводятъ на память общество и предметы Природы, поражающіе наши взоры. Нарѣчіе чувствованія привлекаешъ вниманіе сихъ душъ, недавно вышедшихъ изъ рукъ Природы. Гомеръ и другіе Поэты были первыми наставниками многихъ ученыхъ. Здѣсь Квинтилианъ упреждаешъ естественное возраженіе: „Не „возможно, говоритъ онъ, чшобы ученикъ „вдругъ познакомился со всѣми красошами „сихъ Писашелей: но не надобно ограничивашься первымъ чшеніемъ; напрошивъ, надобно повшоряшъ оное: впрочемъ не должно пренебрегашъ изученіе и Писашелей „прозаическихъ.“

Жишъ въ шой спранъ, въ кошорой языкъ царсшвуешъ, ешъ одно изъ удобнѣйшихъ средствъ научишся ему, не токмо ежедневнымъ обращеніемъ, но и познаніемъ законовъ, нравовъ и памяшниковъ, ушверждающимъ одни знаки въ памяши, и возбуждающимъ другіе чрезъ связь поняшій. Мы не можемъ воскресишъ Аѣинъ и Рима: но если не желашельно, сколько шо позволя-

юпъ обспояшельства , подражашъ Монпаню , научившемуся языку Римлянъ изъ дружескихъ обращеній: шо , по крайней мѣрѣ , можно бы прежде сего ученія даватъ начальныя понятія о Географіи , Исторіи и о древнихъ памятникахъ , нравахъ и обычаяхъ; воспитанникъ былъ бы не споль чуждымъ въ Аѳинахъ и Римѣ , и знаки сдѣлались бы не споль бѣглыми опъ познанія вещей.

Метода , предложенная Дюмарсеемъ и Ваньеромъ , опъ многихъ заслужила одобреніе : послѣ междупрочнаго наименованія словъ , они спавяшъ переводъ буквальный въ одну колонну , а съ боку въ другой , переводъ красивый. На сихъ началахъ , можно бы съ пользою употребить лучшіе переводы , и иногда чиняшъ опрывки ихъ молодымъ людямъ , не для содержанія ихъ въ лѣнспи , чшо искусный надзирашель можешъ предупредитъ , но для приведенія ихъ къ подлинникамъ , для облегченія и сокращенія шруда , для поданія имъ понятія о цѣли и совокупности сочиненія , для ознакомленія ихъ съ Авторомъ , для возбужденія ихъ , если шо Поэшь , нѣкоторыми его звуками , и для произведенія въ нихъ желанія слышашъ его самага. Можно бы имъ сказать : „вы желаете познакомиться съ

„знаменистымъ мужемъ; онъ для васъ невидимъ; или вы можете видѣть его только немного: послушайте нѣсколько тѣхъ, кои къ нему были вхожи, коимъ онъ сообщалъ часныя своихъ мыслей; но не пошлите охоты своей приблизиться къ нему, ибо ваше ученіе и удовольствіе ваше, будущъ совершенны не прежде, какъ приблизитесь къ нему. Повѣрьте тѣмъ, коимъ много лѣтъ посвящали для перевода; если иногда успѣхъ вознаграждалъ ихъ за труды, то они чаще чувствовали себя побужденными на семь трудномъ сраженіи.“ Слова сіи будущъ справедливы; даже ученые, при случаѣ, могутъ извлечь нѣкоторую пользу изъ долгаго обращенія сихъ Переводчиковъ съ ихъ подлинниками; это было мнѣніе ученаго Баршелеми, коего Науки недавно лишились.

Наспавникъ иногда нехотѣли высказывать знаніе свое на показъ, восхищаясь, если нѣсколько недѣль употребитъ на изясненіе нѣсколькихъ стиховъ; но онъ наводитъ ошвращеніе, заспавляя молодого воспитанника слишкомъ долго занимаясь однимъ Авшоромъ. На пиршествахъ, излишнее распоченіе производитъ пресыщеніе. Распочительность въ учености еще того неспоснѣе: она ничего не оставляетъ же-

даль любопытству ученика. Доставляетъ ли она ему болѣе познаній? Напрошивъ ; вниманіе его упоминается, понятія смѣшиваются: толикія подробности о маловажной части какого либо сочиненія не позволяють ему обнять онаго въ цѣлости. Чтеніе, сперва нѣсколько поспѣшное, прилично живости юношеской, думаетъ Квинтиліанъ. Даже когда бы ученикъ думалъ, что онъ слишкомъ удобно все понялъ, такое мгновенное убѣжденіе поддерживаеиъ горячность его, и оное можно вразумишь. Самое время, употребляемое на прилежное чтеніе нѣсколькихъ спрокъ какого либо Писателя, можетъ бытъ посвящено на многократное перечисываніе его всего, и всегда съ большею пользою: первыя трудности преодолѣныя облегчаютъ остающіяся къ преодолѣнію, и древній Авпоръ не кажется уже воспишаннику споглавою гидрою.

Сообразность, находящаяся въ органахъ слова вообще у всѣхъ народовъ, и сообразность въ мысляхъ ихъ и чувствованіяхъ, доставляютъ сближенія, которыя слишкомъ легкомысленно упускають изъ виду, и, съ немногимъ вниманіемъ, иногда нашли бы мы въ реестрахъ нашей памяти то, что выучиваемъ съ большимъ усиліемъ.

Словарь корней и словопроизводствъ, очищенный отъ всякаго шейнаго и догадочнаго сброду, облечилъ бы ученіе древнихъ языковъ *); крашкая, ясная, анадипическая Граммашика довела бы къ той же цѣли.

Я говорилъ, и, можетъ быть, слишкомъ много о затрудненіяхъ, симъ ученіемъ представляемыхъ. Искусный наставникъ умѣетъ, если не уничтожитъ ихъ вовсе, то по крайней мѣрѣ удалить тернія оныхъ, производящее отвращеніе. Я видѣлъ Лицеи, въ коихъ пріятность и даже веселость умѣряютъ то, что ученіе можетъ имѣть въ себѣ суроваго; въ коихъ дни учебные превращаются въ праздничные; въ коихъ взаимная привязанность учителя и ученика служитъ залогомъ удовольствія, занимающаго первое мѣсто при ученіи, и успѣха, за нимъ послѣдующаго.

Возрожденіе Писателей Греціи и Рима оживило великихъ мужей древности. Во всѣхъ Правишельствахъ, можно образоваться въ школѣ ихъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Однакожь доказано, что воспитывавшъ въ республиканскихъ понятіяхъ юношество, опредѣленное жить подѣ

*) Мысль о такомъ сочиненіи пришла Г-ну Карпанинѣ.

законами монархическими, несовмѣстно: по сему-то поняшія сіи не могли бытъ предспавлены съ жаромъ, ни постигнушы съ доспащочною пользою, и даже долго должныствовали бытъ маловразумительными для учениковъ, которые находили себя перенесенными въ такой свѣтъ, коего языкъ и предметы были имъ неизвѣстны. Со всѣмъ тѣмъ, сіе первое ученіе, продолжаемое потомъ съ большимъ стараніемъ, нѣкоторыя души воскреляло.

Противорѣчія, о которомъ я говорилъ, не будетъ въ такомъ правленіи, коего основаніемъ служишь правосудіе, безъ котораго нѣтъ свободы. Какая эпоха можетъ бытъ благопріятнѣе настоящей для изученія древней Словесности! Юные ученики! Плутархъ, Саллустій, Тацитъ и многіе другіе Писатели васъ призываютъ: законы ваши, исшедшіе изъ священнаго источника правъ человѣка, и коимъ вы учитесь будете почти съ самаго рожденія на свѣтъ, васъ пригопвоятъ къ сему ученію; сіи Писатели будутъ имѣть менѣ темныхъ мѣстъ для васъ и для тѣхъ, кои будутъ вамъ ихъ толковать; мысли ихъ легче сопрягнутся съ вашими, они будутъ говорить съ вами вашимъ языкомъ; научась, вы не должны будете разучиваться; великіе при-

мѣры и правила правосудія и добродѣтели поразящъ, васъ съ большимъ блескомъ, и сдружась съ вами, возмогушъ напущенствовашъ васъ во все теченіе жизни вашей.

Прелести сего ученія, когда преодолены бываюшъ трудности, въ началѣ представляющіяся, служатъ наградою за сіи труды. Оно уже тогда не иное что бываетъ, какъ пріятное путешествіе, дѣлающее насъ способными жить со всѣми тѣмъ прекрасными теніями, какихъ только Греки и Римляне у себя имѣли. Заключивъ съ ними тѣсную связь, мы видимъ и слышимъ ихъ самихъ; дѣлаемъ ихъ судьями нашихъ сочиненій; они насъ плѣняюшъ и просвѣщаюшъ образцами и наставленіями другой сферы: они не сродны ни къ какому корыстолюбивому чувствованію, оракулы ихъ чисты; они щедро дѣляшъ съ нами сокровища свои и служатъ намъ сотрудниками. Разношъ наставленій и удовольствій, коихъ они дѣлаюшъ насъ причастниками, столько же велика, какъ и неисчерпаемое богатство ихъ генія и Природы. То воспѣваюшъ они для насъ на трубѣ эпической; то восхищаюшъ стройностію ученыхъ лиръ, или прельщаюшъ слухъ нашъ и трогаюшъ сердца сладостнѣйшими звуками сельской свирѣли. Когда мы заслужи-

ваемъ называшься ихъ подвигоположниками, Софокль и Эврипидъ благоволяшъ еще принимашъ изъ нашихъ рукъ награды, и, для насъ воздвигается Теашрь Аѳинскій, гдѣ слезы наши смѣшиваются со слезами чувствительнаго народа. По выходѣ изъ одного изъ сихъ славныхъ Теашровъ, Плашонъ, одушевленный высокимъ жаромъ, ведетъ насъ въ садъ Философіи: шамъ новыя Драмы приготовлены для преподанія намъ уроковъ мудросни; тушъ находимъ Минерву, предающуюся иногда вдохновенію Музъ. Поршикъ открываешъ намъ училище своихъ Философовъ. Увлеченные прелестями его слога и крошкой Философіи, мы шесшвуемъ по снопамъ Ксенофонша, и въ школу Персовъ, и въ палашку Кира, кошорый приводитъ Араспа въ сшды, не посрамляя его, и въ сельскій домъ, и на шоржища Аѳинскія для дружескаго собесѣдованія съ Сократомъ; съ удивленіемъ слѣдуемъ за нимъ въ по-славное убѣжище, гдѣ онъ шоржествуетъ надъ суровосшями климашовъ и годинъ, надъ рѣками и горами, надъ дѣшными вѣроломнаго деспота, кошорый хочешъ истребить своихъ побѣдителей, надъ многочисленными непріятелями, покрывающими горы и облажающими рѣки для закрышія ему дороги, и надъ самими сшрасшями храбра-

го войска, имъ предводительствуемаго и спасаемаго. Мы идемъ на Олимпійскія игры, гдѣ воспѣваетъ Пиндаръ, куда Муза Исторіи ведетъ Геродота..... Но я бросаю карандашъ, слишкомъ слабый, чѣмъ хорошо начертать прелести сихъ ученій. Сіи счастливыя шѣни, подруги нашей жизни, не оставляютъ насъ въ старости нашей, и при томъ доставляютъ въ оной пріятнѣйшія минуты.

И такъ томъ, кто захотѣлъ бы лишить насъ сего обращенія, похитилъ бы у насъ драгоцѣнныя наслажденія, представляемыя Древностію разуму и чувствованію. Древняя мелодія, громко напѣваемая медленными и быспрыми звуками слова; восхитительный хоръ, слышимый нами, не смотря на удаленность вѣковъ; пророки, вдохновеніемъ насъ исполняющіе; оракулы генія, свободно парящіе въ смѣлыхъ расположеніяхъ слова; ученые языки, спасенные отъ раззореній времени и варваровъ, коихъ богатство, сила и гармонія, — живутъ въ прекрасныхъ памятникахъ ума человѣческаго; и вы самые, посвященные безсмертію памятники, всѣ бы вы погребены были въ одной могилѣ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

 ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА ФЛОТА КАПИТАНА
 ГОЛОВНИНА.

(Продолженіе.)

Въ 10 часу ушра пріѣхалъ къ намъ въ небольшомъ двойномъ кану Г. Элліотъ, съ братомъ первой Королевской жены, копорого Сандвическое имя Калуа, а Европейское Джонъ Адамсъ *; они извиняли неприбытіе Короля болѣзнію его сестры, и привезли отъ него въ подарокъ мнѣ 15 чепвериковъ каршофелю и 6 чепвериковъ шары; зелени же, плодовъ и десять свиней приказано было управителю его здѣсь ко мнѣ доставить; но онъ, обѣщавши привести зелень на другой день, сказалъ, что только одну свинью можетъ дать; ибо болѣе не имѣетъ. Ошказъ сей Г. Элліотъ приписывалъ его плутиямъ и хотѣлъ донести о томъ Королю.

*) Многіе изъ знаменитыхъ островитянъ принимаютъ имена Англійскія или Американскія, наприм., первый Министръ, по имени Кремеку, называюща Мисперъ Пишиъ и пр.

Поговоривъ съ Г. Эллиотомъ около часа, я поѣхалъ съ нимъ и съ нѣкоплыми изъ своихъ Офицеровъ на берегъ, въ селеніе, называемое Каурова, гдѣ славный Кукъ лишился жизни. Сначала мы пошли въ домъ къ здѣшнему старшинѣ, котораго нашли сидящимъ въ креслахъ Европейской работы. На немъ былъ коришневый суконный серпукъ съ мѣталлическими пуговицами, надѣтый на голое плѣло. Жена его, одѣтая въ рубашкѣ и въ синцевомъ на халатъ похожемъ плащѣ, сидѣла подлѣ него на одномъ изъ прехъ Европейской работы сундуковъ, стоявшихъ въ комнашѣ. Подлѣ нее сидѣлъ молодой человекъ въ мапрозскомъ плащѣ и съ виду похожій на Португальскаго мапроза: онъ шилъ серпукъ изъ Англійскаго сукна и былъ, какъ мы послѣ узнали, не порпной, но также старшина и вшорой мужъ хозяйки дома. Здѣшнія знашнія дамы позволяющъ себѣ свободу и явную маленькую прихотливостъ имѣть пару мужей такъ точно, какъ въ другихъ сшранахъ нѣкоплыми изъ нихъ имѣющъ *инкогнито* по десятку и болѣе. Кромѣ сихъ значащихъ и по Европейски одѣтыхъ особъ были тутъ шрое или четверо мушннъ и двѣ женщины въ національной одеждѣ, по ешъ нагіе, съ повязками по поясу. При

входѣ нашемъ Эллиотъ сказалъ, что я. Спаршина вспалъ, взялъ меня за руку пожалъ по Англійскому обычаю и посадилъ на кресла, а самъ сѣлъ на полъ и всѣхъ моихъ сопутниковъ погадилъ на полъ же. Разговоръ у насъ былъ не продолжительный; ибо я болѣе занимался съ Эллиотомъ, опѣчавшимъ на мои вопросы о ихъ обычаяхъ и другихъ предметахъ, касающихся до сихъ острововъ. Между тѣмъ спаршина, именемъ Найги, предложилъ намъ вина съ водою; но вмѣсто вина подали рому, и когда мы всѣ выпили по очереди изъ одного спакана, тогда и ему налили спаканъ, которъй онъ выпилъ, вышедши изъ дому на свободный воздухъ; возвратившись, объяснилъ намъ, посредствомъ Г. Эллиота, что всякій Сандвичанинъ обязанъ имѣть при домѣ, хижины или шалаша, смотря по состоянию: въ одномъ они спятъ, въ другомъ ѣдятъ мушины, а въ третьемъ ѣдятъ женщины, и какъ мы находились въ спальнѣ, въ которой имъ ни пить, ни ѣсть не дозволяется, то онъ и вышелъ вонъ, чтобы сдѣлать намъ учтивость выпить за здоровье наше. Мы, какъ иностранцы, не были обязаны держаться сего правила, но Эллиотъ, хотя и былъ въ мундирѣ Англійскихъ морскихъ врачей и съ коршикомъ; но какъ

поселившійся между ими , не смѣлъ нарушишь сего правила, и ничего не пилъ; причѣмъ онъ мнѣ сказалъ , что ему вѣрно также имѣть при дома и наблюдашь всѣ ихъ табу или запрещенія.

Опѣ спаршины пошли мы по селенію, входили въ разные дома , видѣли работу ихъ скачей и способъ , какъ они красящъ свои издѣлія ; разсмащивали образъ спроенія домовъ ихъ и пр. Все сіе подробно описано во многихъ путешествіяхъ , напечатанныхъ и на нашемъ языкѣ. Насъ сопровождало множество людей обоого пола и всякаго возраста опѣ спариковъ до дѣшей ; всѣ они вели себя очень смирно , услуживали намъ , доставали съ деревъ кокосовые орѣхи и подчивали сокомъ , и ни-что изъ нихъ ни мало не покушался украситъ что либо у насъ , какъ прежде у нихъ водилось. Послѣ всего были мы на шомъ самомъ камнѣ , на кошоромъ знаменишый мореплаватель Кукъ умерщвленъ *каменнымъ кинжаломъ* , и видѣли сквозную пробоину , сдѣланную ядромъ съ Англійскихъ кораблей, кошорые послѣ сего несчастнаго случая спрѣляли по жилищамъ. Нынѣшній Король Тамеамеа , бывшій тогда просхимъ спаршиною , рассказывалъ Элліошу на самомъ шомъ мѣстѣ , со всѣми подробностями, какъ

сіе дѣло происходило ; какъ стоялъ Кукъ , какъ упалъ онъ въ воду лицомъ и пр.

Изъ селенія Каурова поѣхали мы на шлюпкахъ въ прошивную спорону залива въ другое селеніе , называемое Какуа или Керакекуа , гдѣ жипели насъ приняли также хорошо , какъ и въ первомъ , и также были услужливы. Тутъ видѣли мы развалины прежнихъ домовъ Королевскихъ , находившихся при небольшемъ прудѣ , обсаженномъ вокругъ высокими , вѣшвислыми деревьями ; подходили къ капищу ихъ , куда насъ не пустили ; но Элліотъ имѣлъ право входить туда , будучи принятъ въ число ихъ согражданъ ; видѣли два кокосовыя дерева , пробишныя ядрами при томъ же несчастномъ случаѣ. Попомъ показывали намъ старыя полустгнившія военныя лодки , кошорыхъ шеперь они не употребляютъ ; нынѣ спроятъ они уже по Европейскимъ образцамъ бриги, шкуны и пр. Въ семъ селеніи жиптели подчивали насъ пивомъ , сдѣланымъ изъ корня дерева , кошорое они называютъ *ти* ; изъ сего же корня гонятъ они ромъ. Пиво сіе вкусомъ и запахомъ весьма похоже на наше пивное сусло. Во второмъ часу послѣ полудни мы возвратились обѣдать на шлюпъ , гдѣ нашель я того старшину съ женою , у кошораго мы

были въ селеніи Каурова и двухъ или трехъ другихъ, менѣе значащихъ старшинъ. Первый былъ уже не въ серпукъ, а въ одной только Европейской рубашкѣ; жена же его въ прежнемъ плащѣ. Другіе старшины были тоже въ однихъ рубашкахъ, исключая Королевина брата, который, кромѣ одной повязки по поясу, вовсе никакой одежды на себѣ не имѣлъ. За столомъ госпни мои употребляли ножи и вилки и шакъ ловко, какъ Европейцы, и послѣ каждаго кушанья клали ложку, ножъ и вилку на тарелку и отдавали человѣку перемѣнишь. Принцъ все ѣлъ безъ разбору, но прочіе были подъ разными запрещеніями: одинъ не могъ ѣсть свинины; другой, увидѣвъ на столѣ курицу, выскочилъ на лодку. Онъ же послѣ, хопя курилъ наши сигарки, но раскуривалъ не нашимъ огнемъ, а шѣмъ, который бралъ съ лодки. Жена старшины, во время обѣда, вышла на декъ, ибо у нихъ женщины не только ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, но не могутъ и быть тамъ, гдѣ мужчины ѣдятъ. Послѣ обѣда она пришла, и пила вино, если не болѣе, то вѣрно наравнѣ съ мужчинами. Дикій Принцъ, наливъ рюмку вина, пилъ здоровье *Рукини*, то есть Россіи, или Рускихъ; а потомъ здоровье *Рукини* Александра — Рускаго Александра, и

тешчасъ послѣ , не давъ мнѣ времени отблагодарить за комплиментъ , пилъ здоровье Короля Темеама. Впрочемъ онъ довольно разумѣетъ по Англійски, и на вопросы мои о разныхъ предметахъ , рѣдко чего не понималъ. Гости наши разъѣхались уже вечеромъ; съ заревою пушкою , по захожденіи солнца и всѣ кану удалились. Принцу сдѣлалъ я подарки , копорыми онъ казался доволенъ; а для сестры своей Королевы самъ выпросилъ у меня два графина съ наливкою и двѣ граненныя рюмки. Элліошъ наскзалъ мнѣ сполько хорошаго о спарикѣ Королѣ , копорый и безъ того уже по описанію Ванкувера , и по слухамъ ошъ Американскихъ корабельщиковъ , былъ мнѣ извѣстенъ съ весьма хорошей спороны , — что я принялъ намѣреніе зайши въ заливъ Кайруа , и посмошрѣть Короля , шѣмъ бо-
дѣе , что мѣстопробываніе Королевское ошъ насъ было не далѣе десяти миль по души.

(Продолженіе впрѣдъ .)

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б у д у щ а я п о д р у г а .

(Подражаніе Клопшпоку.)

Тебѣ лишь, о сердце! и съ вами, о слезы!
 Пою я, печальный, печальную пѣснь.
 Да склонись взоръ мой къ унылой цѣвницѣ,
 И, къ спонамъ привыкшій, да внемлеть ей слухъ.

Почто ты, Природа, разгнѣванна машь,
 Дада мнѣ для чувства споль нѣжное сердце,
 И нѣжному сердцу споль сильну любовь,
 И съ нею желанья, не давши мнѣ милой?
 О ты, что хощь въ будущемъ любишь меня!
 (Нѣшь, слезы, не вѣчно вамъ лишься безъ друга:
 Есть сердцу родная, она сущеснвуешь,
 И нѣкогда рокъ низпошлеть мнѣ ее;)
 О ты, что хощь въ будущемъ любишь меня!
 Посланица радости, ангель надежды,
 Избранная небомъ, скажи мнѣ, гдѣ ты?
 Гдѣ тайно опъ друга спона швоя бродить?
 Въ полголоса, шомно скажи эшо мнѣ,
 И шакъ, какъ счастливыцы сказашь не умѣють.
 Ахъ! шакъ ли ты любишь? шоскуя по другѣ,
 Меня ль призываешь? Сей сладкой шоски
 Не скрой, умоляю, не скрой опъ меня.
 Скажи мнѣ со вздохомъ, шѣмъ вздохамъ подоб-
 нымъ,
 Которые въ эшой шѣсняшся груди,

Рвутъ бѣдное сердце, и въ немъ замирають.
 Какъ часно, какъ часно пренеющихъ успъ
 Безмолвная полночь внимаешь степенаньямъ:
 „Когда жъ, ахъ! когда жъ она будешь со мной!“
 Какъ часно рука моя въ полночь просперша,
 Объемлешь прелесный, незнаемый образъ....
 Твой, швой это образъ!... Почтожь онъ исчезъ?
 Куда мнѣ стремиться, лешъ за шбой?
 Гдѣ край шонъ счастливый, шю ясное небо,
 Которое ангельскій взоръ швой покоишь?
 О свѣшное! скорѣ ль мой радостный взоръ
 Къ тебѣ возведешся съ слезою восторга,
 Разцвѣшшую вспрѣшивъ подѣ склономъ швоимъ?
 Иль вѣчно не зрѣшь опдаленнаго неба!
 То солнце, чшо свѣшишь на слезы мои,
 Не шамъ закашилось, не шамъ и возшло.
 Уже ль и шѣхъ райскихъ полей не увижу,
 Гдѣ въ шихій часъ вечера, робкой споной
 Пришли бы мы съ нею къ цвѣшущей долинь?
 Тамъ, вмѣспѣ съ лучами вечерней звѣзды,
 Она бы склонилась ко груди счастливица...
 Какъ сердце пренешень! Надежда и радость
 Во мнѣ закипѣли... О скорбь! улешай...
 Блаженство! чья пѣснь опзовешся шбою?
 Кто сладость намъ скажешь сей шихой слезы?
 Ахъ! слейшеса съ нею, и вмѣспѣ шекише!
 Васъ вижу, небесныя дѣвственны слезы!
 Я шопотъ прослышала божественныхъ успъ;
 И гласъ благодатный опкликнулся въ сердцѣ...
 Какъ свыкшіяся пѣни взывають другъ къ другу,
 Таинственный зовъ сей прорекъ мнѣ шебл.
 О шы, чшо всѣхъ дней моихъ радость хранила,
 Свяшѣшее имя нося на землѣ!

О матерь подруги, чье сердце всю прелеснь
 Вдохнуло въ ея непорочную душу!
 Еще ны въ объятіяхъ держишь ее.
 Ославь; пусть одна побѣжитъ по цвѣтамъ,
 И къ сѣни священной, онъ взоровъ укрыва,
 Приникнешь... Ахъ нѣтъ! не спѣши, не скрывайся
 Прелестная... — Какъ назову я тебя?
 Лаурой, безсмертною въ пѣсняхъ Пемпарки?
 Иль имя Фанни... нѣтъ, Дафна! ахъ! Дафна
 Ей имя, споль сладкое нѣжной душѣ!
 Да въ звукахъ сихъ пѣсней останешся имъ
 Той смертной, чье сердце умѣло и въ нихъ
 Съ моимъ подружиться, его угаданы!
 О Дафна! помедли бѣгущей сполною
 Касаться сокрытыхъ колючихъ шиповъ;
 И воздухъ весенній не вдругъ бы вливался
 Въ цвѣшущіе райскою розой уста,
 Но вѣяньемъ тихимъ дышалъ бы на нихъ.
 Чпо вижу! ны медленно, плавно спускаешь,
 И дѣвственна важность въ осанкѣ твоей;
 Но слезка блеснула на длинныхъ рѣсницахъ,
 И думой подернула взоръ и чело.
 Иль плачешь о томъ, чпо одна изъ подружекъ
 Тебя обманула прищворною лаской?
 Уже ль добродѣтели кпо измѣнили?
 Иль любишь, иль спрашною поминься какъ я?
 Бышь можешь, всеильная равною мукой
 Тревожишь, волнуешь всю душу твою.
 Чпо вздохи сей груди, чпо взоръ сей вѣщаешь,
 Исполненъ желанья спремясь къ небесамъ?
 Почпо сія дума? въ ней бродишь мечпанье:
 Какъ будпо бы видишь его предъ собой;
 Какъ будпо бы падаешь милаго къ сердцу...

Ты любишь! — Природа не можетъ создать
 Безъ чувства свящаго души столь открытой.
 Ты любишь! ты любишь! — О! если бъ ты знала
 То сердце, что скромно шепещетъ тобой!
 Ахъ! вѣчной тоской оно молишь судьбу:
 Дай видѣть ее! — Но судьба непреклонна.
 Хоть вы донесите, о тихіе вѣтры!
 Опзывы и пѣсней и вздоховъ моихъ:
 Къ ней, къ ней донесите... Вы въ вѣки златые,
 Опъ устъ первыхъ пастырей прямо несая,
 Лестли къ безсмертнымъ со вздохомъ ихъ ми-
 лыхъ.

Шумите по рощамъ, дохните въ сѣнь миру,
 И шепетъ дубравъ возвѣсните ей меня.
 Вѣщайте: Природа вліяла мнѣ чувство,
 За шѣмъ, что въ свящую познавъ добродѣтель;
 Но чувство сильнѣйшее ею жъ дано
 Невинному сердцу: свящая любовь,
 Какъ нѣкогда первенцамъ юнаго міра,
 Бывъ лучшею всѣхъ добродѣтелей въ немъ.
 Ты вся, о души сокровенна подруга!
 Таинственной мыслию объявляя моей.
 Ни устъ молчаливыхъ мгновенна улыбка;
 Ни тихая капля сокрытой слезы;
 Ни прерванно вздохомъ начатое слово;
 Ни бѣглыя мысли, ни темны желанья,
 Въ копорыхъ мелькаетъ грядущаго даль;
 Ни душу едва выражающій взглядъ,
 Бродящій, и полный рѣчей несказанныхъ,
 Когда въ немъ пылающъ обѣты любви;
 И скромность швоа ни одной не укрыва
 Изъ всѣхъ добродѣтелей шайныхъ швоихъ;
 Все сыщешь, увидишь, изслѣдуешь сердце!

Я вѣчный твой геній, свидѣтель и другъ.
 Какъ буду любишь я, любишь тебя, Дафна!
 Того ни единый не скажешь пѣвецъ...
 О! смолкни все бранныхъ земное вишійство:
 Едва ль и безсмертная часъ Божества,
 Душа, сего чувства всю силу обымешь!

Николай Ивант. Писаревъ.

Рудинки 1820 Мая 2 дня.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 0.

44. Кавалерійская школа, содержащая (въ себѣ) правила верховой ѣзды и совершенной выѣздки лошадей. Сочиненіе Г. де ла Гериньера; переводъ съ Французскаго Ермолая фонъ Миллера. С. П. б. 1820, въ тип. Шнора, въ 8.

(Мы получили разсмотрѣніе сего перевода, и помѣстимъ оное въ 26 книжкѣ нашего Журнала.)

V:

НОВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

Франція.

24-го Мая началось всенародное производство процесса убійцы Герцога Беррійскаго въ Палатѣ Перовъ. Въ улицахъ, окружающихъ Люксембургскій дворецъ, на дворѣ и въ саду онаго разспавлены были сильные караулы. Въ числѣ зришелей были иноспранные Министры. При публичномъ допросѣ Лувель явился порядочно одѣшый, въ темномъ сертукѣ, и ошвѣчалъ холодно и рѣшиительно на предлагаемые ему вопросы. Онъ призналъ орудіе, которымъ поразилъ Герцога, и ушверждалъ, что намѣренъ былъ испребыть Бурбоновъ, ибо они вредятъ счастію Франціи, и началъ съ того, который могъ размножить родъ ихъ. Онъ объявилъ, что былъ на оспровѣ Эльбѣ, но не имѣлъ никакого сношенія съ Наполеономъ, не имѣлъ никакого учаспника, и ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ замыслѣ, и если бы успѣлъ уйти по умерщвленіи Герцога, то подпнялъ бы руку на другихъ, которые служили прошивъ опечества. На вопросъ: неужели спраданія и Христіанская кончина Герцога его не шпронули, онъ ошвѣчалъ: „извинише!“ и увѣрялъ, что прежде сего былъ Капюликомъ, а послѣ сдѣлался Теофилипрописомъ; *) не чи-

*) Секпа, соспавившаяся во время революціи — такъ называемыхъ друзей Бога и людей.

шаль никакихъ газетъ и книгъ, кромѣ Пеновой книги о правахъ человека. — Попомъ выслушанны были свидѣтели, присущеснвовавшіе при совершеніи убійства: они показали обспоятельствва уже извѣсшныя. — Лувель объявилъ, что неоднократно слѣдовалъ за Принцемъ на охоту въ намѣреніи умертвить его, но не имѣлъ на шо духу, и часно спрашивалъ у самаго себя: хорошо ли эшо. — Одинъ изъ Перовъ, Графъ Лалли Толандаль, чешыре раза заклиналъ Лувеля, шую шоржесшвенною минушою, въ кошорую онъ предшанетъ предъ судъ Божій, объявить, не имѣетъ ли онъ сообщниковъ. Лувель швердо опшвѣчалъ: не имѣю! признался, что поступокъ его былъ злодѣйскій, но говорилъ, что онъ симъ хотѣлъ споспѣшесшвованъ блугу Франціи. — На другой день Генераль-Прокуроръ, повшоривъ главные пункшы обвиненія, пошребовалъ казни его, на основаніи законовъ. Адвокатъ Лувеля, Бонне, спарался исполнить долгъ свой, защищая подсудимаго: сперва говорилъ онъ, что права Палашы Перовъ, какъ уголовного судилища, неопредѣлены закономъ, попомъ ушѣерждалъ, будшо Лувель помѣшанъ на шомъ пункшѣ, что Бурбоны враги Франціи, и наконецъ упомянулъ о прозбѣ умирающаго Герцога помилованъ его убійцу. На вопросъ Президенша, не имѣетъ ли подсудимый сказашъ чего въ свое оправданіе, Лувель прочишалъ сочиненную имъ бумагу, на-полненную всякимъ вздоромъ. — Попомъ Палаша, послѣ совѣщанія, продолжавшагося два часа, произнесла смершныи приговоръ. — Лувель сначала не хотѣлъ слушанъ ушѣшеній Религій,

но потомъ просилъ, чтобы привели священника, исповѣдался, и повторилъ сію исповѣдь на другой день. — Онъ казненъ 26-го Мая (сп. сп.) поутру въ 6 часовъ. Священникъ (Аббасть Монпезъ) провожалъ его до эшафота и увѣщевалъ его объявить о своихъ сообщникахъ, но нищего. На Гревской площади стояли два легіона въ боевомъ порядкѣ; кирасиры и жандармы со-спавляли цѣпь ошъ шюрьмы до лобнаго мѣста. Лувель былъ блѣденъ, но осмаштривался во всѣ стороны, и, какъ казалось, доволенъ былъ снеченіемъ народа, котораго набралось до двухъ сотъ тысячъ человекъ, но по прибытіи къ гильотинѣ, примѣнно встревожился. Казнь совершена была весьма поспѣшно. — Народъ наблюдалъ во время оной глубочайшую тишину, и послѣ того спокойно разошелся. — Никто не сожалѣлъ объ участи изверга, повергшаго Францію въ неисчислимыя бѣдствія!

— Парижъ сдѣлался на сихъ дняхъ позорищемъ неуспѣхъ и безпорядковъ имѣвшихъ опчашши печальныя слѣдствія. Вокругъ Бурбонскаго дворца (на берегу Сейны, близъ площади Лудовика XV) въ которомъ происходили собранія Палаты Депутатовъ, собирались въ послѣднее время многіе граждане для скорѣйшаго узнанія послѣдствій въ принятіи новаго закона о выборахъ. Многіе Члены либеральной стороны ѣздили въ Палату больные, чтобы не потерять своего голоса. Въ томъ числѣ былъ и Маркизь Шовелень. Когда, по окончаніи засѣданія, его понесли въ креслахъ изъ дворца къ каретѣ, собравшійся тамъ народъ привѣщивалъ его

воскликаніями: да здравствуетъ харпія! да здравствуетъ Шовелень! Одинъ Роялисъ, Капишанъ Волвокъ, подошелъ къ каретѣ его, закричалъ: да здравствуетъ Король! и требовалъ, чшобъ Шовелень повпорилъ сіе восклицаніе. Шовелень исполнилъ эшо, присовокупивъ къ шому, чшо никогда не опдѣляетъ имени Короля опъ харпіи, имъ дарованной народу. Въ числѣ людей, принуждавшихъ его къ сему восклицанію, примѣнилъ онъ вооруженныхъ палками съ желѣзными наконечниками; многіе изъ нихъ, по видимому, были военные въ партикулярномъ плашѣ. Эшо происходило 20 Мая. — На другой день появились вокругъ Бурбонскаго дворца многочисленныя толпы обѣихъ парпій. Одна спорона кричала: да здравствуетъ харпія! другая: да здравствуетъ Король! Въ числѣ первыхъ были молодые купцы, студены и опспавные Офицеры; въ числѣ послѣднихъ извѣстныя Роялисты и Офицеры гвардіи во фракахъ. Послѣдніе не удовольствовались восклицаніями: они окружили всѣ выходы изъ Палаты и дожидались ненавистныхъ имъ Членовъ, чшобъ принудить ихъ покориться; особенно хотѣлось имъ поспращать Лафайетта, но они его не дождались, а напали на другихъ; на Депушапахъ Лесенберъ и Жирарденъ изорвали кафшаны; преслѣдовали карету Бенжамень-Конспана, прибили его слугу и пр. Людей, кошорые кричали: да здравствуетъ харпія! били они безъ пощады палками. — Правительство приказало военной силѣ разогнать сихъ буяновъ. Эскадронъ конныхъ егерей полку Герцога Беррійскаго разсѣялъ толпы, и при семъ случаѣ

убилъ выстрѣломъ изъ ружья студента правъ Лаллеманъ. Одни говорящъ, что онъ хотѣлъ обезоружить жандармовъ, другіе утверждаютъ, что онъ былъ въ числѣ зрители и хотѣлъ удалиться, когда въ него выстрѣлили. — Сіи безпорядки продолжались и въ слѣдующіе дни. Толпы ходили по бульварамъ, произнося восклицаніе своей паршii; онѣ разсѣвались по приближеніи папрулей, но потомъ опять собирались. Многіе кофейные дома и всѣ лавки въ Пале-Рояль закрыты. Подъ арестъ взято въ сіи дни до 60 человѣкъ, въ томъ числѣ Генералы Фресинетъ и Салиньякъ, Полковникъ Барбье-Дюфе и Рошмиспръ Дювержье.

Въ засѣданіи Палаты 24 Мая Камиль-Жорданъ, Манюэль, Лафитъ, Бенжаменъ-Констанъ и другіе жаловались Палатѣ на оскорбленія и опасности, коимъ они были подвержены при выходѣ изъ дворца, и требовали удовлетворенія. Министръ Юстиціи объявилъ, что сіи происшествія разобраны будущъ судебнымъ порядкомъ, что допросы начались, и всѣ споры будущъ удовлетворены; между тѣмъ просилъ онъ заняться дѣломъ. Депутаты лѣвой (либеральной) стороны отвѣчали, что они не могутъ свободно подавать голоса свои, ибо находясь въ опасности лишиться жизни. Засѣданіе сіе кончилось великимъ шумомъ и жестокими спорами. — На другой и въ слѣдующіе дни продолжались сужденія о законѣ выборовъ въ Депутаты, котораго всѣ пункты приняты съ нѣкоторыми перемѣнами. По оному числу Депутатовъ будетъ нарочито умножено. При собираніи го-

лосовъ о первомъ пунктѣ закона, оказалось въ пользу онаго 130, а противъ 125 голосовъ; но послѣ, когда уже перевѣсъ Миниспровъ былъ рѣшенъ, они имѣли на своей сторонѣ болѣе двухъ прешей.

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, весь законъ о выборахъ принятъ въ Палатѣ Депутатовъ 1-го Іюня большинствомъ 154 голосовъ противъ 95. Спокойствіе тамъ совершенно восстановлено.

— Слѣдствіе въ дѣлѣ касательно возмущенія и обидъ, оказанныхъ Депутатамъ, уже началось. Министръ Юстиціи пригласилъ оскорбленныхъ Членовъ Палаты предстать суду свои показанія.

— Нѣсколько новыхъ полковъ вступило въ Парижъ.

А н г л і я.

— Королева Англійская прибыла 24 Мая изъ Кале въ Дувръ на обыкновенномъ пакетботѣ, въ сопровожденіи Лади Гамильшонъ и Лондонскаго Алдермана Вуда. Пріѣздъ ея возбудилъ общее вниманіе и изумилъ Миниспровъ. — Въ Сентъ-Омерѣ (что въ сѣверной Франціи: Королева не заѣзжала въ Парижъ) явился къ ней посланный отъ Короля Англійскаго Лордъ Гопчинсонъ и объявилъ ей чрезъ повѣреннаго ея Г. Брума, что Миниспръ предлагающъ производить ей по смерти ежегодно по 50,000 ф. ст. (вмѣсто прежнихъ 35 т.) если она рѣшится отречься отъ титула Королевы Англійской и жить въ чужихъ краяхъ, и что въ случаѣ ея отказа, она, по прибытіи въ Англію, подвергнетъ себя великимъ непріятностямъ. — Королева отпринула сіи предложенія съ негодованіемъ, и въ ночь же часъ отправилась въ Англію, оставивъ Гг. Гопчинсона и Брума въ Сентъ-Омерѣ, а Испанскихъ своихъ Кавалеровъ, Графовъ Бергами и Вазали, въ Кале. Кромѣ упомянутыхъ спутниковъ были съ нею усыновленные ею мо-

лодой Августинъ и прехлѣпная дѣвочка. Лади Гамильсонъ пребывала, чѣмъ Лордъ Адмиралтейства прислалъ за Королевою яхту, но получила въ ошвѣтъ, чѣмъ онъ сего, за отсутствіемъ Короля, сдѣлать не можешь. Во Франціи не оказывали Королевы никакихъ почестей, и даже не скоро давали на станціяхъ лошадей. Въ Кале сѣла она на пакешбоу, и прибыла въ Дувръ при пушечныхъ выстрѣлахъ съ крѣпости, и радостныхъ восклицаній народа, который выпрягъ лошадей изъ ея коляски и на себѣ повезъ въ пракипирь. — 25 Мая вечеромъ прибыла она въ Лондонъ и остановилась въ домѣ Г. Вуда. Министры, узнавъ о ея прибытіи, сославились совѣтъ, въ слѣдствіе котораго послѣдовало слѣдующее Королевское предложеніе Парламенту: „Король находить себя принужденнымъ сообщить Парламенту нѣкоторыя бумаги, касающіяся до поведенія Королевы во время отсутствія ея изъ Англіи. Король швердо увѣренъ, что Палата Лордовъ приметъ мѣры, коихъ пребудутъ права сего дѣла, чести и достоинства Короля.“ Графъ Ливерпуль, прочитавъ сіе предложеніе, объявилъ, чѣмъ сообщить Палатѣ сіи бумаги, и на другой день предсавивъ ей о поднесеніи Королю адреса съ увѣреніемъ, что Палата приметъ пребудемыя опъ нея мѣры, и о порученіи сихъ бумагъ на разсмотрѣніе тайному Комитету, который рѣшитъ, какимъ образомъ должно производить сіе дѣло.

Испанія.

— Клубъ Лоренсины закрытъ по приказанію Короля.

— Твердое поведеніе Правительства по случаю требованій сего клуба, произвело весьма хорошія слѣдствія. Король изъявилъ удовольствіе Министрамъ за благородную ревность, съ которою они умѣли сохранить величіе престола. Донъ Гарція Герреросъ взялъ на себя всю отвѣстность въ семъ дѣлѣ, и умѣлъ удер-

жашъ оное въ предѣлахъ , предписанныхъ закономъ. Судъ надъ зачинщиками сихъ безпорядковъ уже начался. Показанія свидѣтелей подтвердили, что при денушаніи клуба Лоренсии посажены подъ арестъ не безъ причины. Ихъ судятъ какъ нарушителей общесивеннаго спокойствія.

— Король возобновилъ постановленіе Корпсесовъ , коимъ позволялось всякому заводить мануфактуры и фабрики, и заниматься ремеслами, не имѣя надобности записываться въ цехъ или гильдію.

VI.

С М Ъ С Ъ.

И з в ѣ с т і е.

Подписка на полученіе Сына Отечества во второй половинѣ 1820 года открылась. Цѣна за полугодовое изданіе (или 26 книжекъ, кои выйдуть съ 1 Іюля по 31 Декабря) здѣсь, въ Санктпетербургѣ *пятнадцать*, а съ пересылкою во всѣ города Имперіи Российской *семнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ*. Подписка принимается въ типографіи Издашеля, состоящей въ большой Морской въ домѣ Г. Аниопова, подъ № 125. и у всѣхъ здѣшнихъ и Московскихъ Книгопродавцевъ. Иногородные благоволяшъ адресоваться въ Газетную С. П. бургскаго Почтамта Экспедицію, коимъ приняла мѣры къ доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ въ непродолжительномъ времени. Санктпетербургскіе чашапелі, желающіе, чтобъ книжки были приносимы къ нимъ въ дома немедленно по оппечашаніи оныхъ, могутъ присылать адреса свои въ упомянутую типографію, прилагая за доставленіе по *три рубля въ полгода*.

(19 Ію н я.)